

**Парадоксы религиозного сознания:
Лев Толстой в философской критике Николая Бердяева***

© 2021 г.   О.А. Жукова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 109028, Покровский бульвар, д. 11.*

E-mail: ozhukova@hse.ru

Поступила 25.05.2020

Статья посвящена анализу восприятия Н.А. Бердяевым творчества Л.Н. Толстого. Философская критика Бердяева в адрес писателя требует пристального внимания и изучения, поскольку позволяет сформулировать важнейший вопрос о философском словаре русского религиозного мыслителя. В работе рассматривается не только критическая интерпретация Бердяевым Толстого в ее развитии, но и личное восприятие философом Толстого как великого русского писателя. В данной статье исследуется эволюция взглядов Бердяева на проблему религиозного сознания Льва Толстого. Выявляются структурные элементы персоналистической метафизики Бердяева и анализируются основные идеи его эсхатологической этики с точки зрения философской критики Толстого. Автор рассматривает модус бердяевской оценки толстовского нигилизма и обсуждает неоднозначность и сложность отношения Бердяева к писателю и религиозному мыслителю. Эта проблема проявилась, с одной стороны, в опыте самоидентификации Бердяева как русского философа, наследника традиции Соловьева, Достоевского и Толстого, с другой стороны, в резкой критике Толстого за его роль в кризисе русского религиозного сознания, имевшем необратимые последствия для российского государства и общества. Настоящий анализ предлагает новый взгляд на философскую критику Бердяева, отличный от традиционной версии, а также вводит тезаурусную исследовательскую стратегию в отношении его религиозной философии.

Ключевые слова: религиозное сознание, критика, этика, нигилизм, персонализм, метафизика, эсхатология, Николай Бердяев, Лев Толстой.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-53-63

Цитирование: Жукова О.А. Парадоксы религиозного сознания: Лев Толстой в философской критике Николая Бердяева // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 53–63.

---

* Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

The Paradoxes of Religious Consciousness: Leo Tolstoy in the Philosophical Criticism of Nicholai Berdyaev*

© 2021 Olga A. Zhukova

National Research University Higher School of Economics,
11, Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028, Russian Federation.

E-mail: ozhukova@hse.ru

Received 25.05.2020

The article is devoted to the analysis of N.A. Berdyaev's perception of L.N. Tolstoy's work. Berdyaev's philosophical criticism of the writer requires close attention and research because it allows us to formulate the most important question about philosophical vocabulary of Russian religious thinker. The essay examines not only Berdyaev's critical interpretation of Tolstoy in its movement, but also the personal perception by the philosopher of Tolstoy as a great Russian writer. This paper explores the evolution of Berdyaev's views on the problem of religious consciousness of Leo Tolstoy. I reveal the structural elements of Berdyaev's personalistic metaphysics and analyze the main ideas of his eschatological ethics from the perspective of philosophical criticism of Tolstoy. I consider the modus of Berdyaev's assessment of Tolstoy's nihilism and discuss the ambiguity and complexity of Berdyaev's attitude to the writer and religious thinker. This problem manifested itself, on the one hand, in Berdyaev's identifying himself as a Russian thinker and a heir to the tradition of Solovyov, Dostoevsky and Tolstoy, on the other hand, in sharp criticism of Tolstoy for his role in the crisis of Russian religious consciousness, which had irreversible consequences for the Russian state and society. This analysis proposes a new opinion on philosophical criticism of Berdyaev, as distinct from the traditional version, and introduces the thesaurus research strategy on Berdyaev's religious philosophy.

Keywords: religious consciousness, criticism, ethics, nihilism, personalism, metaphysics, eschatology, Nikolai Berdyaev, Leo Tolstoy.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-53-63

Citation: Zhukova, Olga A. (2021) "The Paradoxes of Religious Consciousness: Leo Tolstoy in the Philosophical Criticism of Nicholai Berdyaev", *Voprosy filosofii*, Vol. 4 (2021), pp. 53–63.

Анализ текстов Н.А. Бердяева, посвященных творчеству Л.Н. Толстого, является, на наш взгляд, важным и необходимым элементом исследовательской практики бердяеведения, позволяющим выявить основные философские интуиции мыслителя и его этические воззрения. Ценность исследования в данной предметной области будет заключаться, во-первых, в стремлении переосмыслить сложившуюся традицию интерпретации Бердяева как критика творчества выдающихся русских писателей и философов, во-вторых, в попытке дать вариант описания способа смысловой «разгерметизации» Бердяевым литературно-философского наследия русских авторов и, наконец, в интерпретации критического дискурса Бердяева как специфического способа манифестации своей эсхатологической метафизики и этики [Бердяев 1947, 3]. В случае с философско-критическим опытом Бердяева как самостоятельным сюжетом историко-

---

* The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

философского анализа смысл исследовательской работы будет состоять в проблематизации архетипического в структуре его этики, как ее онтологического ядра, так и социальных проекций, а также в выявлении генезиса и эволюционной преемственности религиозно-философских воззрений, оформляющих очертания на протяжении всей жизни выстраиваемой системы метафизики.

Данную интеллектуальную процедуру можно определить как аналитическую реконструкцию этики Бердяева, парадоксальной по определению самого мыслителя [Бердяев 1931, 4]. Поиски смысла и решения проблемы здесь, как нам видится, возможны за рамками сложившихся стереотипов восприятия творчества Бердяева, устоявшихся канонов интерпретации его практики философской критики и репрезентации собственных идей. Предлагаемый подход нацелен на создание адекватного образа понимания такого сложного явления, как творчество Бердяева, находящегося в диалоге с русской и европейской философскими традициями и через критическую процедуру формулирующего собственную персоналистическую метафизику [Гайденко 2001, 306].

Нам представляется продуктивным рассматривать оценку Бердяевым религиозно-этических исканий Льва Толстого в качестве сложившегося уже философского нарратива [Гельфонд 2009, 121–133; Слобожанин 2012, 72] и в то же время анализировать различные варианты объема и содержания понятий «религиозное сознание», «эсхатология», «нигилизм», употребляемых Бердяевым, во взаимосвязи с другими понятиями его философской системы. Ставя вопрос об особенностях проявления архетипических свойств бердяевской мысли, получающих развитие в корпусе критических текстов, адресованных Толстому, в своей работе мы будем уделять внимание и первому и второму подходу. Философский словарь Бердяева – отдельная и специальная тема исследований, по существу только открываемая сегодня [Акоруан 2015, 146]. Его описание и концептуализация связана с общей задачей создания критической истории русской мысли [DeBlasio 2014, 9]. Авторская идея заключается в том, чтобы рассмотреть философский опыт Бердяева в рамках религиозно окрашенной традиции русского идеализма, специализировать представления о бердяевской версии метафизики, избежав неоправданной универсализации и расширения понятия религиозной этики, выявив при этом симптоматику кризиса религиозного самосознания русской интеллигенции, носителем идей которой является Бердяев.

В нашу задачу не входит дать всеобъемлющее готовое определение этики Бердяева, характерные черты которой обнаруживают себя при анализе мыслителем творчества Л. Толстого, однако мы попытаемся эксплицировать ее значимые положения, формулируемые им при философской реконструкции идей Толстого. Очевидно, что основанием анализа религиозно-философских идей Толстого является специфически понимаемый Бердяевым религиозный опыт свободной автономной личности и его трактовка христианства как драматического богочеловеческого процесса воплощения духа в истории и культуре [Жукова 2017, 580–581]. Свою задачу мы видим также и в том, чтобы показать, как работает идеально-ценностное ядро метафизической системы Бердяева в наследовании тем и идей русской литературы и философии, что связано у Бердяева с задачей национально-культурного самопознания.

Бердяев и Толстой: философская оптика читателя и критика

Что оправдывает нашу постановку вопроса о формировании этического ядра философской системы Бердяева в притяжении и отталкивании от религиозно-философского опыта Толстого? Сошлемся на книгу «О рабстве и свободе человека», в которой Бердяев называет Льва Толстого едва ли не первым автором, повлиявшим на его моральные оценки окружающего мира и сформировавшим у будущего философа раннее убеждение в том, что все «окружающее общество построено на лжи и несправедливости» [Бердяев 1939, 10]. Еще одно важное признание дано мыслителем в работе «Самопознание», где, причисляя себя к русской интеллигенции, «искавшей правду», в черед предшественников Бердяев выделяет как славянофилов, так и западников, «и более

всего Достоевского и Л. Толстого, Вл. Соловьева и Н. Федорова» [Бердяев 1991, 11]. Возникает два взаимосвязанных вопроса: почему Толстой постоянно находится в философском горизонте Бердяева и каким образом критический словарь, складывающийся в процессе анализа творчества Толстого, становится понятийной основой экзистенциально и религиозно ориентированной персоналистической метафизики и этики мыслителя?

На страницах «Самопознания» Бердяев многократно упоминает Толстого. В главе «Одиночество», где Бердяев говорит о главной экзистенциально пережитой теме своего творчества – одиночестве мыслителя, он указывает на ранний опыт самопонимания: «Я выразитель восстания личности против рода» [Там же, 44]. Это устойчивое ощущение «восстания личности» формировалось у Бердяева с детства, с момента пробуждения сознания. Толстой в восприятии Бердяева оказался таким примером восставшей против социальной и духовной неправды творческой личности. В формуле «бунта» личности – сложный комплекс философских самоопределений Бердяева – метафизического анархиста и философа свободы – мыслителя, который в XX в., дистанцировавшемся от идеи и реальности Бога, предложит новый проект онтологии Духа и предпочтет называть свою религиозно-философскую программу «пневматологией» [Бердяев 1937, 27]. В настоящем фрагменте философской автобиографии Бердяев рассказывает о рано прочувствованной отъединенности внутреннего духовного мира от внешней стороны жизни, вследствие чего реальность, созданная художественным воображением, стала для него более осязаемой, чем фактическая действительность [Бердяев 1991, 44]. Так произошло и с героями книг Толстого, читанных Бердяевым в детстве. «Я очень рано в детстве читал “Войну и мир”, и незаметно кукла, которая называлась Андрей, – пишет Бердяев, – перешла в князя Андрея Болконского. Получилась созданная мною биография существа, которое представлялось мне очень реальным, во всяком случае более реальным, чем мои товарищи по корпусу» [Там же]. Этот процесс философ называет «мифотворческим» [Там же].

Примечательно, что, характеризуя противоречивость своей природы, склонность к мечтательности, к признанию большей ценности внутреннего мира по отношению к внешнему в личностном опыте, Бердяев заимствует у Толстого прием сопоставления внешнего и внутреннего, применяемый в описании душевного мира Андрея Болконского: «Есть “мир иной”, более реальный и подлинный. Глубина “я” принадлежит ему, – говорит Бердяев. – В художественном творчестве Л. Толстого постоянно противопоставляется мир лживый, условный и мир подлинный, божественная природа (князь Андрей в петербургском салоне и князь Андрей, смотрящий на поле сражения на звездное небо)» [Там же, 31]. Бердяев специально подчеркивает, что с этой темой у него связана «роль воображения и мечты», с полным осознанием того, что «мечта в каком-то смысле реальнее действительности» [Там же]. Справедливо утверждать, что экзистенциальное вживание в образную ткань художественного произведения, послужившее толчком для создания личностного мифа, формировало в будущем мыслителе практику глубинно-ориентированного чтения и развивало навык философской рефлексии, а Толстой и созданные им образы очень рано были включены в процесс интеллектуальной самоидентификации Бердяева.

Приобщившись к чтению русской литературы в детстве, философ нашел художественно и интеллектуально-психологически близких ему авторов – сначала Толстого, позже Достоевского, идеи которых послужили источником его собственного философского поиска. Становится понятен упрек Бердяева русскому образованному классу, высказанный им в статье «Философская истина и интеллигентская правда» из сборника «Вехи» (1909), в том, что русская интеллигенция признавала только философию, которая помогала ей бороться против самодержавия, и поэтому «просмотрела оригинальную русскую философию, равно как и философское содержание великой русской литературы» [Бердяев 1909, 17]. Чаадаев и Вл. Соловьев, равно как и Достоевский, не стали для нее «своими» мыслителями, вокруг которых могла бы объединиться думающая элита русского общества. Восприятие идей Толстого, которого Бердяев считает

гением и ставит в один ряд с Гёте [Бердяев 1916, 168], оказалось еще более сложным и провокативным для русского морального сознания. Именно в этом контексте Бердяев будет выстраивать этический дискурс о Толстом, артикулируя важные философские интуиции и оттачивая положения своей религиозной метафизики.

Антиномии религиозного сознания: Лев Толстой как зеркало русской интеллигенции

В корпусе текстов Бердяева о Толстом выделяется статья «Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого» из сборника «О религии Льва Толстого» (1912). Эта работа – важная веха в философской биографии Бердяева. Период написания статьи обозначил для мыслителя, по его словам, разрыв с московской религиозно-философской средой [Бердяев 1991, 212; Бердяев 1993, 19], идейная атмосфера которой во многом создавалась участниками Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. Редактор сборника С.Н. Булгаков в переписке с автором А.С. Глинкой жаловался на «Бердяевский кошмар» – позицию Бердяева, «твердого и хорошего в своем безумии», настаивавшего на «новом дополнении христианства – “творчеством”» [Кейдан (ред.) 1997, 459]. Считая эту эпатажную идею «смесью Мережковского, Вяч. Иванова и собственного темперамента», Булгаков высказывал серьезное сомнение в философском и религиозном значении нового поворота бердяевской мысли [Там же, 459].

На фоне создания авторской версии «дополненного христианства» в статье «Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого» Бердяев пытается сформулировать идеи, имеющие значение для его философской антропологии и этики. Отмежевываясь от авторов, которые пользовались Толстым с «утилитарно-тактическими целями, анафематствовали его как слугу антихриста», «оскорбляли гениального человека» [Бердяев 1912, 172], Бердяев исходит из признания величия Толстого. «Жизнь Л. Толстого, его искания, его бунтующая критика – явление великое, мировое», – заявляет он [Там же]. Однако в противовес своему же утверждению о величии художника и требованию не превращать Толстого в «утилитарное орудие» философ выдвигает контр-тезис: «Л. Толстой исключительно оригинален и гениален, и он же исключительно банален и ограничен» [Там же, 174]. Противоречивость Толстого как писателя и мыслителя Бердяев раскрывает в оппозициях, ярко характеризующих, с его точки зрения, особенности художественного и нравственного самосознания романиста.

По мнению Бердяева, Толстой принципиально антиномичен. Он сочетает органическую светскость и восстание против «свега», буржуазности, за которой идет «бунтующая критика культуры и истории, переходящая в ее отрицание» [Там же]. Он воспекает «животно-растительное счастье как высший, божественный закон жизни» и при этом склонен к отрицанию плоти, к аскетизму, что не дает ему возможности прорваться в жизнь духа, оставляет на ступени «душевно-телесной жизни» [Там же, 175]. Толстым руководит трезвость, рассудочность, практицизм вплоть до отрицания красоты, но сами произведения Толстого суть «творения вечной красоты» [Там же]. Этот индивидуалист и антиобщественник совсем не чувствует личности, отрицает ее, остается замкнутым в стихии рода. Будучи озабочен поисками смысла жизни и мыслью о смерти, Толстой при этом в восприятии Бердяева лишен чувства трансцендентного и «ограничен кругозором имманентного мира» [Там же, 176].

Все описываемые Бердяевым противоречия призваны прояснить ключевую антиномию религиозно-философских воззрений Толстого – проповедника христианства, занятого толкованием Евангелия и Христа и при этом чуждого смысла данной Христом религии, заключающейся в Нем Самом – в Его Богочеловеческой личности. Вывод Бердяева категоричен: Толстой – «слабый, немощный религиозный мыслитель» [Там же]. Утверждение Бердяева можно интерпретировать следующим образом: своей рациональной этизацией христианства Толстой, обладая харизмой большого писателя и мыслителя, обозначил кризис религиозного сознания эпохи позднего модерна,

пойдя по пути секуляризации христианской культуры и десакрализации Св. Писания и Св. Предания. Однако своим антицерковным вопросом о вере он побудил миллионы людей обратиться к проблемам религии. Парадокс Толстого состоит в том, что он одновременно «страшный враг христианства и предтеча христианского возрождения» [Бердяев 1912, 176].

Для Бердяева философским образом артикулированная вера Толстого представляет собой идейное смешение материализма и позитивизма на почве религиозных исканий смысла жизни. Бердяев видит ярко выраженный мотив спасения в вере Толстого, но его сознание, как считает философ, остается в дохристианском плену и самоопределяется в иной онтологической перспективе – Толстой хочет спастись в силу своих личных заслуг, а не в искупительную силу кровавой жертвы Сына за грехи мира, не знает, говоря словами Бердяева, «мистерии искупления» [Там же, 181]. «Чудовищно, что такой гигант, как Толстой, свел христианство к тому, что Христос учит не делать глупостей, учит благополучию на земле. Гениальная религиозная натура Л. Толстого находится в тисках элементарной рассудочности и элементарного утилитаризма», – заключает философ [Там же, 191]. Очевидно, что в системе самого Бердяева «мистерией искупления» станет творчество, дополняющее рутинизированное христианство и спасающее его от духовного обессоливания, о чем он заявит в книге 1916 г. «Смысл творчества».

Нетрудно также заметить, что в критическом словаре Бердяева присутствуют идейные конструкты и понятия, характерные для религиозных дискуссий начала XX в., развиваемых в интеллектуальных кругах русской интеллигенции и церковных публицистов в духе тем и полемики религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге, Московского и Петербургского религиозно-философских обществ [Морозова 2008, 182]. Бердяев, прошедший через искушение марксистского учения и «нового религиозного сознания», не отказался от своих претензий к исторической Церкви, которая, по его мнению, не смогла сохранить харизму Откровения, элиминировала Дух. Обсуждая религиозность Толстого, он развивает тему идеалистически окрашенного анархистского бунта против Церкви, отрицательной роли писателя в деле религиозного возрождения человека и общества, обозначая тем самым кризис исторического христианства как симптом общего кризиса европейской и русской культуры. В этом контексте моральное учение Толстого приобретает в восприятии Бердяева разрушительный смысл. Именно эта оценка будет позже доминировать в революционной аналитике Бердяева.

Для характеристики критического словаря Бердяева, используемого при анализе творчества Толстого, стоит выделить также статью «Откровение о человеке в творчестве Достоевского», напечатанную в мартовском выпуске «Русской мысли» в 1918 г. Разгадывая загадку Достоевского, Бердяев прибегает к сравнительной характеристике двух великих романистов, выявляя их отношение к проблеме человека. Пользуясь приемами компаративистского анализа, Бердяев производит аналитическое вычленение структурных элементов авторских идей и установок, реализуемых в художественных произведениях, с последующей целью реконструкции мирозерцания «художника мысли» Достоевского и его «вихревой антропологии» [Бердяев 1918, 41], которому в своем теологическом «монизме» противостоит Толстой как художник и мыслитель [Там же, 46]. Если у Достоевского через человека в благодати и в свободе раскрывается Бог, то у Толстого человек оказывается подзаконен [Там же, 54]. В данной работе Бердяев продолжает воспроизводить ранее сформулированную им оппозицию Ветхого и Нового Завета в религиозном самосознании Толстого, типологически определяя его программу обмирщенной внецерковной веры как этический монизм ветхозаветного типа, не знающий благодати.

В статье «Духи русской революции» из сборника «Из глубины» (1918) Бердяев, рассматривая влияние религиозно-этических идей Толстого на русское общество, сосредоточивается на их моральных и политических следствиях. Являясь непосредственной реакцией на историческую катастрофу России, охваченной пламенем революционного пожара [Pogus 2017, 213], статья строится как анализ культурных

и метафизических причин национальной трагедии, вестниками-пророками которой выступают гении русской литературы – Гоголь, Достоевский и Толстой. Это самая острая, болезненная, уничтожающая критика Толстого, когда-либо прозвучавшая в адрес писателя со стороны Бердяева. В ней можно видеть парадоксальность позиции самого философа, признающего, с одной стороны, гениальность Толстого, с другой – ниспровергающего его как мыслителя и духовного учителя, морально оправдавшего нигилизм и открывшего для русского общества путь к революции. Акт философской рефлексии превращается в суд над русской историей, где Бердяев выступает в роли прокурора, а Толстой – в роли подсудимого. Ни Гоголь, ни Достоевский, которым посвящены две первых части статьи, не привлекаются Бердяевым к суду за свершившееся в России, за ее падение в бездну. Толстому же отводится роль лично виновного в преступлениях разуверившегося народа и интеллигенции. Толстой у Бердяева оказывается едва ли не основным источником «заражения» русского человека духом апокалипсиса и нигилизма [Бердяев 1990, 79]. «Это Толстой сделал нравственно невозможным существование Великой России. Он много сделал для разрушения России», – безжалостно обличает писателя Бердяев [Там же, 84].

Превращенные формы религиозности, к которым в качестве нового ориентира личного совершенствования призывал Толстой, эти утратившие свою подлинную христианскую перспективу и разорвавшие с онтологией Духа семена «злой святости», по словам Бердяева, попав на почву разуверившегося народа и интеллигенции, запускают процесс распада морального сознания, за которым неминуемо следует распад общества и государства – революционный бунт [Там же, 83]. По мнению Бердяева, «Толстовство в широком смысле этого слова – русская внутренняя опасность, принявшая обличье высочайшего добра» [Там же, 84]. Учение Толстого, адресованное взыскующему последнему преображения мира русскому человеку, соблазняет радикальным призывом к совершенству, но лишает его благодати, поскольку само ей не обладает [Там же]. Вывод Бердяева однозначен: русский человек потерял способность различать духи – он находится во власти ложных идеалов и морали, которые деформировали его нравственное чувство. Эта ложность проявляет себя в антирелигиозном идеализме, максимализме, апокалиптике и нигилизме. Для того чтобы произошло духовное очищение и выздоровление, болезнь нравственного сознания должна быть диагностирована. По такому пути выкорчевывания язв русской души, как считает Бердяев, пошел Достоевский. Толстой же, напротив, сам стал апостолом антирелигиозного движения. «Эту ложную мораль и ложную святость Достоевский раскрыл и предсказал их последствия, Толстой же проповедовал их», – заключает Бердяев [Там же, 86].

К сопоставлению двух романистов Бердяев в очередной раз вернется, уже в эмиграции, применив компаративистский метод в анализе творчества Достоевского в важной для него книге «Миросозерцание Достоевского». В Толстом как контрагенте Достоевского Бердяев еще раз, развивая сформулированное им ранее антитетическое противопоставление Достоевского и Толстого как антрополога и теолога, подчеркнет близость к живому Богу автора «Братьев Карамазовых» и языческую нечувствительность к духу христианства автора «Анны Карениной» [Бердяев 1923, 17], настаивая на том, что пафос Достоевского – в изобличении внутренней природы русского нигилизма, тогда как Толстой сам оказывается нигилистом, «истребителем святых и ценностей» [Там же, 16]. Основные критические тезисы о неприятии религиозного учения Толстого Бердяев вновь повторит в главе статьи «Три юбилея: Л. Толстой, Генрих Ибсен, Н. Федоров» [Бердяев 1928, 76–82].

Бердяевский дискурс о Толстом напрямую связан с центральной для философа темой русского самосознания и постоянно поддерживается этой проблематикой. В девятой главе «Русской идеи», важнейшего историко-философского труда позднего периода, где отечественная мысль рассмотрена Бердяевым в метафизической перспективе, он подчеркнет парадоксальный характер неортодоксальной религиозности Толстого. Бердяев назовет писателя «странником», указав на эсхатологический горизонт его максималистских требований к обществу, культуре, Церкви и моральности человека,

проявляемой непосредственно в социальном бытии [Бердяев 1946, 202–203]. «Эсхатологическая устремленность Л. Толстого не подлежит сомнению», – будет настаивать философ [Там же]. В свете характеристики Толстого, данной в «Русской идее», становится понятной интенция мыслителя, столь однозначно и непримиримо высказанная в работе «Духи русской революции». Все дело в том, что Бердяев прямо связывает Толстого с «духовным движением в народной среде» [Там же, 203], считая, что только он один из русских писателей с ним соприкоснулся. Поэтому, по логике Бердяева, на Толстом лежит ответственность за моральную деградацию русского человека, соблазненного социальным максимализмом писателя и его внецерковным этическим ригоризмом [Бердяев 1990, 81], а также и за деморализацию русского общества, проигравшего в великой войне вследствие увлечения пацифистскими идеями Толстого [Там же, 82].

Критический словарь Бердяева, содержащий оценочные суждения и строящийся как типологическая характеристика творчества писателя, выявляемая на уровне антиномий его религиозного сознания, будучи ярким выражением афористического стиля говорения философа [Бердяев 1947, 4], в то же время представляет собой общее для русской интеллигенции смысловое поле, в рамках которого формируется тезаурус понятий и явлений, симптоматически описывающих кризис духовного самосознания образованного класса России. Примером поздней актуализации бердяевского словаря, тематизирующего проблематику религиозного сознания Толстого, релевантную для идейных дискуссий русской интеллигенции на тему веры и церкви, является полемика между А.В. Тырковой-Вильямс и В.А. Маклаковым, развернувшаяся осенью 1955 г.

Маклаков, автор работ о Толстом, хорошо его знавший, оппонирует Тырковой, выступившей со статьей и присоединившейся, по словам Маклакова, к тем, кто считал писателя «гениальным художником, но плохим мыслителем» [Канищева (сост.) 2012, 1007]. В письме к Тырковой Маклаков отмечает, что она «как будто бы не замечает, что его художественная деятельность была вся пропитана мыслью, исканием правды, иначе “богоискательством”» [Там же, 1007]. Богоискательство в интерпретации Маклакова предстает актом свободного вопрошания истины, а не обязательством верить в Христа как Бога [Там же, 1011]. Маклаков не согласен с Тырковой, которая видит в антицерковном протесте Толстого проявление «ненависти ко Христу» [Там же]. Он настаивает, что «своеволие» Толстого, «сердито отрицавшего», по выражению Тырковой, что «Христос есть Сын Божий», не является своеволием, поскольку «откровение», данное одному, может не быть убедительно для другого [Там же, 1008]. Толстой, как считает Маклаков, осуществил демифологизацию «религии откровения», подобно тому как первые христиане отвергли языческую мифологию и перестали верить в ее божества [Там же, 1009].

Главный аргумент Маклакова в защиту писателя не нов и типичен для умонастроений русской либеральной интеллигенции. Он заключается в том, что веру в Бога нельзя закрепить государством или церковью [Жукова 2017, 383–384]. В своей апологии Толстого Маклаков исходит из понимания религии, разумеется, не как «опиума», что он специально подчеркивает в письме к Тырковой, а из того факта, что религия отвечает на «недоуменные» вопросы человека о себе самом и мире, в котором он существует. И эти ответы, по определению Маклакова, суть не что иное, как «творчество самого человека, высшее его творчество, но творчество человека, а не откровение Бога» [Канищева (сост.) 2012, 1010].

Ключевой вопрос в споре двух ярких представителей русской либеральной интеллигенции – о возможности внецерковных оснований духовного опыта, о соотношении вопроса о смысле жизни, задаваемого свободной разумной личностью, с необходимостью признать христианский опыт в полноте Св. Писания и Св. Предания – возвращает к дилемме, обозначенной Бердяевым в связи с разгадкой феномена религиозности Толстого, противоречий и тупиков его духовно-нравственного самосознания. Бердяев исходит из признания единства художественного и религиозно-философского опыта Толстого, но на этом пути практически терпит фиаско: художник и мыслитель

у него – величины несоразмерные. Следуя задаче отыскания философской истины, он вынужден признать принципиальный антиномизм религиозного мышления Толстого, его неудачу как христианского мыслителя, совершившего сознательный акт «деконструкции» христианства в отказе признать истину Св. Писания о богочеловечности Христа и Церковь как носительницу Св. Духа в истории, в полноте и многосложности ее опыта – Св. Предания.

Оценивая корпус сочинений Бердяева, посвященных русской истории и культуре, русской философии и литературе, можно утверждать, что при всей читательской захваченности гением Толстого Достоевский как мыслитель, «диалектик и метафизик» со своими экзистенциальными безднами и религиозным вопросом о человеке был ближе Бердяеву [Бердяев 1923, 9]. Доминанта топики Достоевского в творчестве Бердяева объясняется общностью глубинной христианской интуиции, в то время как по структуре религиозности и моральным выводам своего учения Толстой далек от философии духа Бердяева и его проекта «богочеловеческой духовности» [Бердяев 1937]. Но отказаться от Толстого, с точки зрения Бердяева, означало бы «отказаться от русского гения, в конце концов, отказаться от русского призвания в мире» [Бердяев 1946, 203]. Бердяев искренне восхищался и любил художника Толстого, вступая в полемику, он всегда выдвигал требование его защиты. Однако в своем стремлении дать отпор безрелигиозному, антигосударственному «отщепенству» интеллигенции, говоря словами Струве, он, продолжая веховскую тему покаяния интеллигенции, вынужден был «дезаурировать» Толстого как религиозного мыслителя и учителя нравственности, высказав свой заключительный вердикт в «Русской идее»: «Высокая оценка Толстого в истории русской идеи совсем не означает принятия его религиозной философии, которую я считаю слабой и неприемлемой с точки зрения христианского сознания. Оценка должна быть связана с его личностью в целом, с его путем, его исканием, с его критикой злой исторической действительности, грехов исторического христианства, с его жаждой совершенной жизни» [Там же, 203].

В рассуждениях Бердяева о Толстом, как можно видеть, получает развитие сквозная для мыслителя тема критики исторического христианства, обогащенная проблематикой «нового религиозного сознания», отсылая к тезаурусу религиозно-философских дискуссий начала XX в., формулируется ключевая для Бердяева идея духовных причин русской смуты, которая получит программное воплощение в «Истоках и смысле русского коммунизма», разрабатывается дискурс о русской философии и культуре, итоговым выражением которого станет труд «Русская идея», выявляются антиномии религиозного сознания в рамках философско-антропологических построений Бердяева, интерпретации его центральной идеи богочеловечества как субъекта творчества новой духовности. В оценке творчества Толстого манифестирует себя не только сближающая Бердяева с писателем критика исторического христианства и несправедливости общественного устройства, но и онтологически противоположная воззрениям Толстого дилемма свободы, «пневматологичности» и «христологичности» человека, разворачиваемая Бердяевым в качестве оснований его метафизики духа и этики «антииерархического персонализма» [Бердяев 1939, 6] с характерным для философа мотивом оправдания человека творчеством.

Источники – Primary Sources in Russian

Бердяев 1993 – Бердяев Н.А. Письма Андрею Белому / Предисловие, публикация и примеч. А.Г. Бойчука // De visu. 1993. № 2. С. 12–23 (Berdyayev, Nikolai A., *Letters to Andrey Bely*, in Russian).

Бердяев 1991 – Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991 (Berdyayev, Nikolai A., *Self-Knowledge*, in Russian).

Бердяев 1990 – Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции / Под ред. П.Б. Струве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 55–89 (Berdyayev, Nikolai A., *Spirits of the Russian Revolution*, in Russian).

Бердяев 1947 – Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объективация. Париж: YMCA-Press, 1947 (Berdyayev, Nikolai A., *Eschatological metaphysics experience: Creativity and objectification*, in Russian).

- Бердяев 1946 – *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-Press, 1946 (Berdyayev, Nikolai A., *The Russian Idea*, in Russian).
- Бердяев 1939 – *Бердяев Н.А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. Париж: YMCA-Press, 1939 (Berdyayev, Nikolai A., *Slavery and Freedom: an Essay in Personalistic Philosophy*, in Russian).
- Бердяев 1937 – *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности. Париж: YMCA-Press, 1937 (Berdyayev, Nikolai A., *Spirit and Reality*, in Russian).
- Бердяев 1931– *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931 (Berdyayev, Nikolai A., *The Destiny of Man. Essay on the Paradoxical Ethics*, in Russian).
- Бердяев 1928 – *Бердяев Н.А.* Три юбилея: Л. Толстой, Генрих Ибсен, Н. Федоров // Путь. 1928, июнь. С. 76–82 (Berdyayev, Nikolai A., *Three Anniversaries: L. Tolstoy, Henrik Ibsen, N. Fedorov*, in Russian).
- Бердяев 1923 – *Бердяев Н.А.* Миросозерцание Достоевского. Прага: YMCA-Press, 1923 (Berdyayev, Nikolai A., *Dostoevsky's Worldview*, in Russian).
- Бердяев 1918 – *Бердяев Н.А.* Откровение о человеке в творчестве Достоевского // Русская мысль. 1918. Кн. 3–4. С. 39–61 (Berdyayev, Nikolai A., *Revelation about Man in the Creativity of Dostoevsky*, in Russian).
- Бердяев 1916 – *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1916 (Berdyayev, Nikolai A., *The Meaning of the Creative Act*, in Russian).
- Бердяев 1912 – *Бердяев Н.А.* Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Льва Толстого // О религии Льва Толстого: Сборник статей / Под ред. С.Н. Булгакова. М.: Путь, 1912. III (Berdyayev, Nikolai A., *The Old and the New Testaments in the Religious Consciousness of Leo Tolstoy*, in Russian).
- Бердяев 1909 – *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции / Под ред. М.О. Гершензона. М.: Т-во И.Н. Кушнерёва, 1909. С. 1–22 (Berdyayev, Nikolai A., *Philosophical Verity and Intelligentsia Truth*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

- Гайденко 2001 – *Гайденко П.П.* Анархический персонализм Николая Бердяева // *Гайденко П.П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 301–322.
- Гельфонд 2009 – *Гельфонд (Клюзова) М.Л.* Критика учения Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием в отечественной религиозно-философской мысли конца 19 – начала 20 в.: три основных аргумента // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 121–133.
- Жукова 2017 – *Жукова О.А.* Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. М.: Согласие, 2017.
- Канищева (сост.) 2012 – Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М.: РОССПЭН, 2012.
- Кейдан (ред.) 1997 – Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др. / Ред.-сост. В.И. Кейдан. М.: Языки славянской культуры, 1997.
- Морозова 2008 – *Морозова Я.В.* Московское Религиозно-Философское Общество памяти Вл. Соловьева: вопросы возникновения // Вестник РХГА. 2008. Т. 9. Вып. 2. С. 3–17.
- Слобожанин 2012 – *Слобожанин А.В.* Критическое осмысление идей Л.Н. Толстого в работах И.А. Ильина и Н.А. Бердяева // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2012. № 3. С. 71–75.

References

- Akopyan, Ovanes (2015) “Nikolai Berdyayev and the Transformations of the Idea of Humanism”, Mrowczynski-Van Allen, Artur, Obolevitch, Teresa, Rojek, Pawel, eds., *Apology of Culture. Religion and Culture in Russian Thought*, Pickwick Publications, Eugene, OR, pp. 146–152.
- DeBlasio, Alyssa (2014) *The End of Russia Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21th Century*, Palgrave Macmillan.
- Gaidenko, Piama P. (2001) “Nikolai Berdyayev’s Anarchic Personalism”, Gaidenko, Piama P., *Vladimir Solovyov and the Philosophy of the Silver Age*, Progress-Tradition, Moscow, pp. 301–322 (in Russian).
- Gelfond (Klyuzova), Maria L. (2009) “Criticism of Tolstoy’s Teaching about Non-resistance to Evil by Violence in Russian Religious and Philosophical Thought of the Late 19th and Early 20th Centuries: Three Main Arguments”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10, pp. 121–133 (in Russian).

Kanishcheva, Nadezhda I., ed. (2012) *The Legacy of Ariadna Vladimirovna Tyrkova: Diaries. Letters*, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), Moscow (in Russian).

Keidan, Vladimir I., ed. (1997) *Seeking Hail: Chronicle of the Private Life of Russian Religious Philosophers in Letters and Diaries of Sergey Askolodov, Nikolai Berdyaev, Sergey Bulgakov, Evgeny Troubetskoy, Vladimir Ern and Others*, Languages of Slavic Culture, Moscow (in Russian).

Morozova, Yana V. (2008) "Moscow Religious and Philosophical Society in Memory of V. Solovyov: Questions of Origin", *Vestnik Rossiiskoy Khristianskoy Gumanitarnoy Akademii*, Vol. 9, Issue 2 (in Russian).

Porus, Vladimir N. (2017) 'Nikolai Berdyaev on the "Spirits of the Russian Revolution"', *Russian Studies in Philosophy*, Vol. 55, No. 3–4, pp. 210–226.

Slobozhanin, Alexey V. (2012) "Critical Comprehension of the Ideas of L.N. Tolstoy in the Works of I.A. Ilyin and N.A. Berdyaev", *Humanities Bulletin of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University*, Vol. 3, pp. 71–75 (in Russian).

Zhukova, Olga A. (2017) *Philosophy of Russian Culture. Metaphysical Perspective of Man and History*, Soglasie, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

ЖУКОВА Ольга Анатольевна –
доктор философских наук, профессор
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики».

Author's Information

ZHUKOVA Olga A. –
DSc in Philosophy, Professor,
National Research University
Higher School of Economics (HSE).